

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ХРИСТИАНСТВО И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ

А. Ранович

Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» призывает всех работников теоретического фронта «решительно и быстро выправить нетерпимое отставание теоретического фронта, покончить с боязнью смелой постановки теоретических вопросов,двигающих марксистско-ленинскую теорию вперед, покончив с буквоедством, начетничеством, схоластикой, вульгаризацией и опошлением отдельных положений марксистско-ленинской теории».

К числу вопросов, в которых сказалось «буквоедство, начетничество, схоластика», неумение оценивать конкретные исторические явления в зависимости от условий, места и времени, а не с точки зрения сегодняшнего дня, относится вопрос об исторической роли и значении первоначального христианства. В работах антирелигиозников-пропагандистов наметилась неправильная тенденция рассматривать христианство на всех его исторических этапах в общем виде, давать ему огульную характеристику, независимо от условий места и времени. Христианство рассматривалось преимущественно со стороны его реакционной формы, без анализа содержания тех общественных движений, которые принимали в определенные исторические периоды религиозную форму.

Конечно, христианство как религия на всех своих стадиях было опиумом народа. Но эту общую характеристику надо наполнить конкретным содержанием для каждого данного исторического периода. В отношении первоначального христианства необходимо установить характер этого массового движения в конкретных условиях краха античных мировых порядков, приведшего к возникновению Римской империи.

Империя означала не только разложение старого, но и появление чего-то нового, некоторых положительных результатов, которые позволили римскому государству просуществовать еще 500 лет и подготовить возникновение новой, прогрессивной общественно-экономической формации. Империя создала единую средиземноморскую державу и тем расширила базу, на которой держалось рабовладельческое общество. Во-вторых, ликвидировав старые политические учреждения, империя расчистила почву для новых политических отношений, призвала к жизнедеятельности новые слои общества. В период империи развился колонат—институт, подготовивший будущие крепостнические отношения; была создана новая форма эксплуатации, которая давала возможность стимулировать производительность труда, предоставляя работникам на земле некоторую инициативу. Особенно большую роль сыграли императорские поместья, которые, будучи

изъяты из общего ведения римской администрации, послужили прообразом, а в некоторых случаях и ячейками для создания в будущем новых форм феодального землевладения. Наконец, насильственное объединение провинций, приведение их к одному уровню привело в некоторых случаях, особенно в Галлии и на Востоке, к подъему провинций, получивших самостоятельное значение. В недрах империи подготавливались элементы новой, прогрессивной общественно-экономической формации—феодализма.

Политика империи означала разрушение во всех покоренных странах прежнего политического порядка, прежних общественных условий жизни. «Три рычага», которыми римская власть сводила всё к одному уровню,—упразднение своеобразной общественной организации провинций, римский суд и налоговый гнет—действовали с огромной разрушительной силой.

Жестокая диктатура, особенно первых императоров, питала подхалимство, лицемерие, трусость, создавала настроение тупой покорности перед неизбежным. И хотя многие императоры пали жертвой заговоров, не было и попытки свергнуть императорскую власть. Не только народные массы, но и высшая знать была совершенно бесправна и зависела от прихоти и каприза императора, а это вело к моральному разложению.

Все классы общества испытывали на себе гнет империи, но больше всего страдали от него, конечно, трудящиеся, в первую очередь рабы. И поскольку они в условиях того времени не могли революционным путем свергнуть рабовладельческий строй, но и не могли с тупой покорностью переносить свою участь, они искали «духовного освобождения», искали выхода своему настроению протеста в религиозной фантастике.

Потребность в религиозном утешении не могла найти удовлетворение в существовавших в то время религиях; они слишком были связаны со старым, ушедшим в невозвратное прошлое жизненным укладом и потеряли всякую почву под собой. Требовалась новая религия, которая соответствовала бы изменившимся общественным условиям жизни, которая не признавала бы устаревших национальных и сословных различий и, вместе с тем, давала бы «идеальное утешение», выводила бы верующих из земной юдоли страданий в мир иной.

Такой религией оказалось христианство. Оно выдвинуло в качестве объяснения и оправдания зла идею всеобщей греховности человечества; оно давало верующим надежду на посмертное воздаяние, а в качестве гарантии этого воздаяния и спасения пропагандировало учение об искупительной смерти спасителя, сына божьего, агнца-Христа. При этом христианство решительно порвало со всеми старыми религиями, с «язычеством». Оно обращалось с проповедью ко всем без различия, прежде всего к «труждающимся и обремененным». Оно отвергло всякую обрядность, которая создавала непреходимые перегородки между людьми разной веры. Христианство пошло по той же линии уравнивания, которую с беспощадностью проводил императорский Рим. Оно не только удовлетворяло потребности в духовном освобождении, но удовлетворяло ей в соответствии с условиями времени и места. Оно таким образом оказалось способным стать мировой религией в мировой Римской империи.

Уже в эпоху эллинизма возникают попытки замены отдельных национальных богов одним синкретическим божеством путем слияния отдельных богов или перенесения на одного какого-либо бога функций и атрибутов многих других. Этот процесс особенно усилился с образованием мировой римской державы. Появляются божества Зевс—Асклепий, Зевс—Гелиос, Зевс—Серапис, Гелиосерапис и т. п. Богиня Изида превращается владычицу неба и земли, о чем говорят многие посвященные надписи. В одной из них, опубликованной в 1927 г. [ВСН, LI (1927), p. 378; ср. REG 42 (1929), p. 138/9], об Изиде говорится, между прочим, что она «отделила

небо от земли, указала путь светилам, определила движение солнца и луны», установила справедливость на земле, предписала жалеть просящих и т. д., вплоть до того, что именно эта богиня создала различные языки для эллинов и варваров. Но эти языческие культы не могли стать мировыми религиями, так как исторически были связаны с гибнущими от нивелирующей силы Рима старыми общественными условиями жизни и неизбежно должны были погибнуть вместе с породившими их условиями. Хотя восточные культы, особенно культ солнечного бога Митры, развили усиленную пропаганду вовне, они всё же продолжали оставаться религиями замкнутых общин со строгим церемониалом и сложной обрядностью. Представления об умирающих и воскресавших богах лишь подготовили почву для восприятия христианского образа агнца, своей кровью искупившего грехи человечества.

В восточном, особенно еврейском, богословии, в вулгаризованной греческой философии, в синкретических эллинистических культах имелись элементы, подготовившие христианство. Но христианство было не просто комбинацией этих элементов, а совершенно н о в о й религией, принципиально отличной от всех и отразившей новый этап в истории рабовладельческого общества. Прежде всего оно решительно рвало с прошлым, отменяло все национальные и классовые перегородки. Христианская пропаганда обращается ко всем без различия: «все мы единым духом крестились в одно тело—иудеи или эллины, рабы или свободные» (I Кор., 12, 13); «... нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного; но все и во всем Христос» (Колос., 3, 11). «Пастырь» Гермы говорит: «все народы под небом, услышавши проповедь, уверовали и нареклись одним именем сына божьего... все получили один дух и один разум» (Sim., IX, 17).

Христианство признавало равенство всех людей, в том числе и рабов, в п е р в о р о д н о м г р е х е, «во Христе», «в духе», но не реально в жизни. Христианское равенство мирится с реальным неравенством. Но в идее христианского равенства получила фантастическое отражение жажда действительного социального равенства, которую чувствовали угнетенные, в первую очередь рабы.

Конечно, римляне великолепно отдавали себе отчет в том, что раб, захваченный на войне, «по природе» свободен. Но представление о пропасти между свободными и рабами было столь же неискоренимо, как и презрение к труду свободных. Поэтому римляне рассматривали христианскую идею равенства, как революционную, мятежную.

Возникновение мировой империи отразилось в христианстве также в идее космополитизма, которая была чужда античности, как массовая идея. В этом отношении христианство шло в ногу с общественным развитием, которое совершалось в направлении упразднения старых национальных и сословных перегородок.

Христианский космополитизм отражался не только в пропаганде среди всех народов, но и в культе абстрактного человека, впервые зарождавшемся в христианстве. «Сын человеческий» в евангельских текстах—это сам человек; Иисус Христос—воплощение человеческих свойств, лишенных конкретности, он—гипостазированный человек. В некоторых христианских сектах, в частности у нассеев (офитов), как божество выступает именно «Человек».

Христианство в период своего возникновения совершило переворот в области культа. Оно отменило всякую обрядность, создав таким образом возможность для людей самых различных категорий вступать в христианские общины. Это было решающим условием для успеха христианской пропаганды и, вместе с тем, содействовало действительному упразднению ставших уже ненужными в новых условиях перегородок.

Христианство отменило жертвоприношения, признав, что искупительная жертва Христа раз навсегда искупила грехи людей. Отмена жертвоприношений была неслыханным до того времени новшеством, выделившим христианство из всех остальных религий. Впоследствии церковь восстановила жертвоприношение лишь в виде символического обряда в литургии; место жертвоприношения заняли аскетические упражнения.

Всё это делало христианство новой фазой религиозного развития. Христианство стало первой возможной мировой религией, соответствовавшей новому этапу развития рабовладельческого общества.

О настроениях и чаяниях первых христианских общин мы можем судить по «Апокалипсису Иоанна», написанному около 68 г. Автор «Апокалипсиса» называет себя Иоанном, живущим на острове Патмосе. Свое «откровение» он адресует семи малоазиатским «церквам». По всей вероятности, именно в Малой Азии возникли среди евреев диаспоры первые христианские общины, как и, надо полагать, среди александрийских евреев.

Из обращения автора «Апокалипсиса» к малоазиатским общинам мы узнаем, что в то время существовало множество сект и течений, еще не выработалось единых догматов, нет еще этических заповедей любви и всепрощения, характерных для следующего этапа христианства—во II в. В «Апокалипсисе» выражена в фантастической форме «видений» непримиримая ненависть к Риму, к этой «вавилонской блуднице», раскинувшейся на семи холмах. Христианское течение, представленное в «Апокалипсисе», ожидает близкого пришествия Христа и расправы с ненавистным миром зла и несправедливости. Книга проникнута духом борьбы и уверенности в близкой победе. Здесь нет еще будущих основных догматов христианства—троичности бога, учения о первородном грехе и об оправдании верой. Автор «Апокалипсиса» еще не знает ни одного из христианских таинств. Его вера в Христа и в грядущее тысячелетнее царство есть лишь выражение ненависти к миру угнетения. Здесь нет еще догматики и мифологии последующей христианской литературы. В своих посланиях к семи малоазиатским церквам автор «Апокалипсиса» упрекает тамошние общины и секты лишь в блуде и вкушении идоложертвенного мяса.

Для демократической организации ранних христианских общин характерно, что здесь нет института священства, а руководство общинами принадлежит «пророкам», выдвигающимся из рядовой массы верующих; «благодать», «дар пророчества», харизма, может стать уделом любого верующего, независимо от его общественного положения, тогда как впоследствии «благодать» становится собственностью церкви в лице епископа.

Конечно, религия, возникавшая как движение самих масс, удрученных и обремененных, неизбежно носила сумбурный характер и с самого начала разбилась на множество течений и сект. Но то течение, которое представлено в «Апокалипсисе», проникнутое революционно-демократическим духом, продолжало существовать и позднее, отчасти в различного рода ересях, отчасти и в том течении, которое получило преобладание в официальной церкви II—III вв.

У нас не сохранилось источников, по которым можно было бы проследить во всех деталях процесс изменения христианского учения, выделения «главной» церкви в борьбе с многочисленными другими церквами. Победившая церковь старательно уничтожала все документы своих противников. Всё же мы имеем возможность проследить линию, которая намечена в «Апокалипсисе», в ересях II в., в частности, в ереси монτανистов.

Ересь монτανистов возникла в середине II в., как раз в то время, когда формировалась официальная церковь. Ересь продолжала традиции раннехристианских общин, выраженные в «Апокалипсисе». Во главе монτανистских общин стояли не епископы, а «пророки», которые в официальной

церкви постепенно были вытеснены. У монтанистов нет той пропасти между мирянами и клиром, которая уничтожила зачатки реального равенства в раннехристианских общинах. Особенно важным пунктом расхождения между монтанистами и официальной церковью была вера в пришествие в скором времени «спасителя» и в сошествие небесного Иерусалима. Монтанисты со дня на день ждали второго пришествия. Местом сошествия небесного Иерусалима они считали Пепузу, город во Фригии; туда они уходили навстречу Христу, бросая свои дома и имущество.

Ожидание близкого конца мы видим и в «Апокалипсисе», как выражение ненависти и жажды здоровой мести. «Се, гряду скоро», «время близко» — не раз утверждает «Апокалипсис». То же представление, что «время близко», встречается еще и в более поздней новозаветной литературе — посланиях и евангелиях. Но по мере роста и укрепления христианской церкви вера в скорое пришествие Христа, которое слишком уже затянулось, не только естественно ослабела, но и перестала соответствовать духу учения церкви на новом этапе. Если христианство, выраженное в «Апокалипсисе», не приемлет мира, объявляет ему войну — конечно, лишь в религиозной фантазии, — то христианство, выраженное в евангелиях, в основном приемлет мир. Мало того, церковь начинает стремиться к реальному господству в этом мире. С этой точки зрения, всякие бредни о близком сошествии небесного Иерусалима казались церкви опасными. Позднее Евсевий даже о «муже апостольском» Папии высказывался с осуждением за то, что он проповедует близкое воскресение мертвых и наступление на земле тысячелетнего «царства христова».

Монтанисты, кроме того, в соответствии с духом «Апокалипсиса» проповедывали аскетизм, в частности, запрещение второго брака. Аскетизм был религиозной формой выражения неприятия мира. Готовность к мученичеству, иной раз даже жажда мученичества, была фантастической формой протеста против существующего строя.

В других сектах, наоборот, этот протест выражался в непризнании святости каких-либо уз — семейных, государственных, брачных, — в отрицании общепризнанных в то время устоев морали. Отрицание традиционных уз половых отношений, против чего восстает автор «Апокалипсиса», сочеталось с отрицанием государства и частной собственности. Эти черты мы находим в ереси — тоже II в. — карпократиан. Один из основателей этой ереси, — сын Карпократа, Елифан в своем сочинении «О справедливости» пишет, что справедливость божья выражается в общности и равенстве. Солнце «не различает богатого и бедного или знатного, неразумных и разумных, жен и мужчин, свободных, рабов.» Справедливость господствует во всей природе, где все обилие предоставляется в пользование всему животному миру без ограничений. Неравенство возникло в результате человеческих законов. «Мое и твое» проникло в естественную общность из-за законов. Смешно звучит заповедь законодателя, сказавшего «не пожелай», и еще смешнее добавление — «того, что принадлежит ближнему», ведь желание вложено в человека также богом.

Мы видим, таким образом, что христианство в разных своих течениях дало религиозную оболочку для выражения также коммунистических взглядов, будучи в то время основной формой массового движения.

Христианство с самого начала было религией угнетенных — рабов и вольноотпущенных, бесправных и бедняков, поработенных или рассеянных Римом народов. В сферу притяжения новой религии втягивались и представители эксплуататорских групп «покоренных или рассеянных Римом народов»; по отношению к императорской власти и эти группы были почти столь же бесправны, как и рабы по отношению к своим господам. Христианство с самого начала объединяло различные группы с

разнородными, порою даже противоположными интересами. Это и сказалося во множестве сект, в которых с самого начала вырабатывалось христианское учение. Общим для них всех была вера в загробное воздаяние, в искупительное значение смерти агнца, в близкое небесное возмездие. Социальные чаяния христиан были различны.

Но в первое время тон задавали бедняки и рабы, отрицавшие блага земные, презиравшие и ненавидевшие богатство. Сохранившиеся в евангелиях грозные обличения богатых, угрозы по их адресу («Горе вам, богатые, ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне, ибо взалчете»), указание, «что удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство божие», первоначально выражали действительную ненависть к богатым и богатству. Эти и подобные им евангельские тексты впоследствии не раз использовались в борьбе трудящихся, когда эта борьба в силу исторических условий облекалась в религиозную форму. Порфирий в своем сочинении «Против христиан» указывает, что такого рода выступления против богатства «исходят не от Христа, если он вообще преподавал образец истины, а от наших бедняков, желавших путем такой болтовни отнять имущество богатых».

Христианские общины, не имевшие точно разработанной системы верований, ведущие дарвиновскую борьбу за существование одна с другой, были организованы в виде товариществ или коллегий, по образцу существовавших в Римской империи. До нас дошли уставы коллегий *teniores*, которые близко напоминают организацию ранних христианских общин.

Другим прообразом общины была еврейская синагога. Синагога была не только культовым учреждением, заменявшим для евреев диаспоры иерусалимский храм. Это была организация верующих, легальная форма существования объединения евреев там, где они составляли меньшинство населения.

Но христианские общины с самого начала отличались как от синагоги¹, которая, хотя и вырабатывала незаметно, исподволь, иную форму еврейской религии, оставалась в рамках «закона», так и от коллегий, ставивших себе узкие задачи. Христианство было массовым движением и не могло замкнуться в ограниченных рамках чисто местной коллегии, а национальная синагога не была пригодна для новой религии, решительно отменявшей всякие национальные перегородки.

Христианские общины уже с самого начала казались римлянам подозрительными, и это заставляло их теснее спланиваться между собою. «Следы общности имущества, встречающиеся тоже на первых шагах новой религии, являются скорее результатом необходимости для гонимых жить сплоченной жизнью, чем признаком высоких представлений о равенстве» (Энгельс—Анти-Дюринг. Соч., т. XIV, стр. 104). Возникла потребность не только во взаимных спорах по различным пунктам вероучения, но и во взаимной поддержке.

Автор «Апокалипсиса» обращается к семи малоазиатским церквям не только с упреками, но и со словами утешения, ободряя их в предстоящей борьбе со всем миром. Характерно, что первыми после Апокалипсиса христианскими документами являются «послания»; хотя эпистолярная форма их большей частью фикция, но и по форме и по содержанию они свидетельствуют о постоянных связях между общинами и взаимной поддержке. На место разрозненных общин возникает церковная организация, и уже в «Пастыре» Гермы, в середине II в., церковь сама персонифицируется, становится источником «благодати».

¹ Впрочем, еще в надписи 318/319 г. молитвенный дом еретиков-маркионитов, отвергавших «Ветхий завет», именуется *συναγωγή*.

В церкви появляются, наряду с пророками, апостолами и учителями, постоянные должностные лица: старейшина общины—пресвитер, служителя—диаконы, администратор—епископ, причем епископ, ведающий имуществом общины и являющийся ее представителем перед внешним миром, приобретает всё большее значение. Власть и значение епископа основываются не на «пророческом» даре, или харизме, а на его положении фактического руководителя. По мере того как демократическая организация общины рушится, уступая место церковной организации, пророки и учителя вытесняются, а епископ становится единственным главой общины.

В церковной литературе II в. мы встречаем немало свидетельств того, что стремление епископов прибрать к рукам христианские общины и вытеснить харизматиков, «учителей» и «пророков» встречало противодействие со стороны верующих. В, так называемой, Дидахе («Учение двенадцати апостолов»), XV, 1—2, мы читаем: «Рукополагайте себе епископов, достойных господ, людей кротких и не сребролюбивых, верных и прославленных; ибо они для вас служат службу учителей и пророков. Поэтому не презирайте их, ибо они почтенные у вас вместе с пророками и учителями». Здесь епископ еще только завоевывает себе право на признание наряду с учителями и пророками. Позднее епископ начинает претендовать на первое место в церкви. Верующим всячески внушается, что именно епископ—фундамент церкви, что он унаследовал от апостолов благодать божью и только он может ею распоряжаться. В этом отношении интересны так называемые послания Игнатия Антиохийского. В этих посланиях нет еще устойчивости в вопросе об управлении церковью, еще наряду с епископом известное место отводится пресвитерам (Магн. VII, 2). Но уже епископ возносится на божественную высоту: «Вы почитайте диаконов, как заповедь Иисуса Христа, а епископа—как Иисуса Христа, сына бога» (Тралл., III). «Дух возвестил мне, говоря так: без епископа ничего не делайте» (Филад. VII, 2).

Вопрос о верховенстве епископа стал одним из центральных пунктов в новой организации церкви; то или иное отношение к нему определяло ортодоксальность верующих; «которые суть божьи и Иисусовы Христовы, те с епископом» (Игн.—Филад., III, 2). А в написанном несколько ранее «Пастыре» Гермы «пророчество» еще в полной силе, и епископы занимают последнее место в иерархии, после апостолов, учителей и диаконов, рядом со страннолюбцами (Sim.—IX, 25—27).

Установление единоличной (монархической) власти епископа означало разрыв между клиром и верующими; власть епископа покоится не на харизме, не на личном «даровании», а на церковном сане. Он олицетворяет и представляет церковь как организацию, противостоящую верующим. «Кто внутри алтаря, тот чист, а кто вне его, тот нечист, т. е. кто делает что-нибудь без епископа, пресвитера и диакона, тот нечист совестью» (Игн.—Тралл., VII).

Установление монархического епископата не было просто реорганизацией управления общиной. Оно означало, что настроения масс, вовлекаемых в сферу притяжения христианства, вводятся в русло, намечаемое руководящим клиром, или же они объявляются ересью, и церковь борется против них всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Отныне линия «первоначального христианства» в значительной степени отвергается клиром, не может продолжаться в легальных формах и становится большей частью религиозной оболочкой борьбы не только против самой церкви, но и против внешнего мира.

Монархический епископат не был, понятно, навязан церкви извне, а явился закономерным этапом в эволюции самого христианства, которая

в конце концов привела христианство к положению господствующей церкви в распадающейся рабовладельческой империи. Новая епископальная церковь, ставшая официальной, или «главной», как ее называет Цельс, церковь, уже не проповедует бедности, аскетизма, презрения к земным благам.

Особенно часто возвращается к вопросу о совместимости богатства и спасения «Пастырь» Гермы. Здесь богатство признается помехой для праведной жизни: «имеющие многие заботы согрешают во многом, потому что развлечены своими делами и не служат богу» (Sim. IV); но Герма находит компромиссное решение вопроса: «Посему господь, зная душу их и то, что они родились и пребывают добрыми, повелел обещать их богатства, но не совсем отнять их, чтобы из оставшегося они могли делать добро и жить с богом». (Sim. IX, 30, 4). А в другом месте (Sim. II) «Пастырь» устанавливает некое разделение труда: «бедный богат в молитве, и молитва его имеет силу великую перед господом. Богатый подает бедному... Бедный благодарит бога за богатого, дающего ему. Тот и другой делают дело». Позднее Климент Александрийский пишет специальный трактат о том, «Какой богач спасется». В I послании к Тимофею (III, 4—5), написанном, вероятно, около 140 г., рекомендуется поставлять в епископы человека состоятельного, «хорошо управляющего домом своим», «ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о церкви божьей». И действительно, должность епископа христианской общины привлекала богатых людей не меньше, чем должности гимнасиархов, или августалов, или вифиниархов. Она давала выход честолюбию, применение административным и финансовым способностям, она давала почет, власть и доходы, в то время как всякого рода общественные должности были связаны с расходами.

Епископы бесконтрольно распоряжались средствами общины. Впоследствии это положение было окончательно закреплено в, так называемых, «Постановлениях апостольских»: «тебе, мирянин, подобает жертвовать, а епископу распоряжаться в качестве как бы эконома и администратора церковного имущества. Смотри, не требуй от епископа отчета и не следи за его расходами, как он их производит, когда, кому, где, хорошо или плохо. Ибо он обязан отчетом только богу, который дал ему в руки эту власть, который соблаговолил вручить ему столь высокий священнический сан» (VIII, 30). Епископы, повидимому, широко пользовались своим правом распоряжаться бесконтрольно церковным имуществом, чтобы приумножить свое личное имущество. Епископ карфагенский Киприан, бывший очень богатым человеком, жалуется, что епископы, «вместо того, чтобы управлять святыней, становятся управителями земных дел; покинув свои епархии и свою паству, они переезжают из одной провинции в другую, выискивают рынки, которые обещают им наибольшие выгоды, накапливают сокровища, в то время как церковь и их братья голодают, при помощи низкой угодливости ловят наследства, умножают свои богатства ростовщичеством» (De lapsis 6). Сохранившийся папирус около 280 г. содержит деловое письмо христианина: здесь упоминается александрийский епископ Максим, выступающий в роли банкира-посредника между александрийскими и римскими купцами. Киприан сообщает (Ер. 5) о постановлении собора, запрещающего клирикам принимать на себя роль опекуна или душеприказчика по завещаниям. Эльвирский собор 305 г. должен был принять специальное постановление (канон 19), запрещающее епископам, пресвитерам и диаконам покидать свои приходы по торговым делам: «пусть посылают сына, вольноотпущенника, наемного агента, друга или кого угодно; а если хотят торговать, пусть торгуют в пределах провинции».

Оформляющаяся в середине II в. церковь перестраивает, пересматривает свои позиции. Ожидание скорого конца света отвергается, как еретическое.

Неависть к миру насилия, гнета и несправедливости сменяется учением о непротивлении, о любви к врагам; многократно на все лады повторяется, что каждый должен оставаться в своем звании, что раб должен быть покорен господину. Деление общины на две категории—на клир и мирян, *ordo* и *plebs*, отменяет те элементы реального равенства, которые существовали внутри раннехристианской общины. Упраздняются совместные трапезы, которые были выражением демократической организации общины. Правда, эти трапезы и раньше носили только ритуальный характер. I посл. к кор. рекомендует, прежде чем отправляться на трапезу, поужинать дома, чтобы не набрасываться на еду. Но и эти ритуальные трапезы отменяются и заменяются таинством причащения; они сохраняются лишь у некоторых сект.

Начинают появляться догматы и обряды. Отрицание старых «языческих» религий принимает новую форму; раньше оно выражалось в отмене всякой обрядности, сейчас оно выражается в отборе и переработке элементов иудейского, эллинистических и римских культов таким образом, чтобы они могли стать общими и приемлемыми для всех.

Время пророчества и апостольства объявляется отошедшим в прошлое. Отныне благодать находится целиком в руках клира.

Но и в своем новом виде официальная христианская религия сохраняет многое от первоначального, самого раннего христианства,—те черты, которые дают христианству право стать мировой религией мировой Римской империи. Она сохраняет культ абстрактного человека; разрабатывающаяся мифология Иисуса приспособляет его образ к привычным верованиям рядовой массы, наделяя Христа всё в большей мере конкретными чертами. Идея равенства всех людей в первоначальном грехе хотя и теряет свой первоначальный демократический характер, остается в силе как идея. Христианство попрежнему ведет свою пропаганду среди всех народов без различия, укрепляя идею космополитизма. Оно окончательно порывает связь с еврейством, которую еще сознавал автор «Апокалипсиса», и становится религией для всех. Оно попрежнему не знает жертвоприношений и других обрядов, связанных с уже отживающими формами общества. Оно теперь принимает существующий порядок вещей, не борется за социальное переустройство общества, хотя бы в мире ином, но оно отрицает старый мир как «языческий»; практически это означало отрицание старой формы общества, на которую продолжала опираться идеология эпохи империи. Поэтому церковь сохраняла свой дух воинствующей церкви вплоть до своей победы.

В возникающей новой обрядности христиане, отталкиваясь от еврейской обрядности, вкладывали в нее новый смысл и новое содержание. Евреи праздновали субботу, христиане сохранили недельный праздник, но перенесли его на следующий день, который поэтому в посл. Варнавы, XV, 9, называется в о с ь м ы м. На выбор воскресенья повлияло, надо полагать, то, что это был «день солнца», и потому к этому дню было приурочено «воскресенье христово». Еврейский праздник пасхи также был воспринят христианами, но получил совершенно новое содержание. Даже само слово «пасха» (арамейский вариант еврейского «песах») стали сблизать с греческим *πάσχειν* («страдать»). Это стал праздник страданий, смерти и воскресенья Иисуса, все детали которого были заимствованы у эллинистических мистерий умирающих и воскресающих богов.

В течение II в. церковь вела ожесточенную борьбу с многочисленными другими христианскими течениями. Была разгромлена «ересь» монтанистов, продолжавших традицию раннего христианства. Не менее важное значение для церкви имела борьба с гностическими течениями, которые оставили значительный след в христианской догматике.

Религиозные системы различных гностических школ представляют

самую крайнюю религиозно-философскую фантастику, сочетающуюся с магией, мистикой, аскетизмом, а иногда, наоборот, с полной распущенностью. Христианские гностики пытались соединить христианскую религию с эллинскими философскими спекуляциями и тем придать еще более универсальный характер новой религии. Они поэтому, как правило, отвергали Ветхий завет и его бога.

Отрицание родства между Иисусом и иудейским богом, творцом мира, связано у гностиков с представлением о «неизреченном» высшем божестве, которое не могло произвести «злую» материю. Гностики поэтому создают целый ряд промежуточных ступеней—8, 30, даже 365—между верховным богом и материей. Здесь фантазия гностиков не знает предела.

По Василиду (около 130 г.), нерожденный отец рождает Разум, Разум рождает Логос, Логос—Суждение (*φρβητης*), от Суждения рождаются Мудрость и Сила, а от Мудрости и Силы—доблести, начала и ангелы, создающие первое небо, и т. д.

У другого влиятельного гностика Валентина (приблизительно 135—165) «плерома» (полнота), в которой раскрывается полностью сущность божества, включает разные степени совершенства, воплощенные в разных зонах. Высшую ступень занимают «Неизреченное» и «Молчание», от них рождается новая пара—«Отец» и «Истина». От этой четверки рождаются следующие 4 зона—«Слово» и «Жизнь», «Человек» и «Церковь». К этой восьмерке присоединяются еще десять эонов, рожденных «Словом» и «Жизнью», и двенадцать—от «Человека» и «Церкви»,—итого 30 эонов. Последнее место в этом ряду занимает «Мудрость»; в результате ее падения из «плеромы» рождается Христос, в которого перешла ее духовная сущность, и кроме того—демиург и дьявол, уже лишенные духовной сущности. «Спасение» человечества состоит в том, что благодаря «пневматику» Христу человек может подняться над плотской своей природой и слиться с «плеромой».

В некоторых гностических системах Иисус Христос также распался на отдельные сущности: 1) Иисус, 2) Христос, 3) Спаситель, 4) Единородный и 5) Слово.

Смысл всех этих эонов, огдоад, додекад и т. д. в том, чтобы перекинуть мост между материальным человеком, источником зла, через посредство Христа, «Человека», «Надежду», «Жизнь», «Логос» и других эонов, к «плероме», к полноте духовного бытия. Поэтому «знание» гностиков означает не познание умом или рассудком (хотя и «Ум» и «Рассудок» входят в число эонов), а процесс освобождения души от уз материи путем мистического слияния со всё более высокими по рангу зонами. К этому человек готовится путем аскетических упражнений, мистических видений, обрядов, молитв, гимнов и даже алхимии, астрологии и магии.

Гностики на свой лад старались создать мировую религию путем сочетания нового христианского учения с «языческими» богословскими спекуляциями и элементами «восточной мудрости». В богословии гностиков ярко выражен дуализм, дававший «объяснение» существованию на земле зла. Свет и тьма, дух и материя, бог и сатана, жизнь и смерть ведут между собою неустанную борьбу; они непримиримы, и лишь посредничество Христа указывает путь к освобождению от злого начала. В виде эонов в учении гностиков отразилась вера в астральных, в частности, планетных богов; в их молитвенных формулах, магических обрядах, каббалистических именах и образах сказалось умонастроение, характерное для периода, когда, по выражению Энгельса, «чудеса, экстазы, видения, болтовня о духах, исследование будущего, делание золота, каббала и всякая мистическая чепуха играли первую роль»¹.

¹ Соч. т. XVI, ч. II стр. 416—417.

Это относится не только к гностикам. Цельс, который хорошо отличал то, что он называет «главной церковью», от гностических «ересей», говорит о христианах II в. вообще: «они толкуют про какие-то надписи между небесными верхними кругами... Они обещают какое-то магическое волшебство, и это для них верх мудрости. Они пользуются магией и волшебством, называя какие-то варварские имена демонов... (они) заповедали очистительные обряды, гимны, искупления, заговоры, биение себя в грудь, ряжение в демонов, разнообразные амулеты в виде одеяний, чисел, камней, растений, корней и вообще самых разнообразных предметов» (O r i g., c. Cels., VI, 38—39).

Само собой разумеется, масса верующих христиан не знала и не исповедывала абстрактного богословского учения. Новая христианская вера сочеталась у них с обычной магической практикой, и задача церкви состояла в том, чтобы включить магические обряды в свою систему, переосмыслить их, дать им новое обоснование, или приспособить свое богословие к обрядовой практике. История христианской догматики—это история развития богословских идей греко-римского мира и слияния христианства с «язычеством».

Несомненно, обработка ставших впоследствии каноническими новозаветных книг, систематически проводившаяся гностиками, оставила серьезные следы в официальном христианском вероучении. Так называемое евангелие от Иоанна носит явные следы влияния гностицизма, а работа Маркиона над «священным писанием» отразилась, надо полагать, на современном виде его.

У нас нет материалов для суждения о характере гностических общин, о численности и составе их. А что такие общины существовали, и притом основанные на строгой дисциплине, не подлежит сомнению. Еще в IV в., как видно из указа Константина, существовали сильные общины маркионитов.

Но совершенно очевидно, что гностицизм не мог стать религией масс. Если гностическая магия и могла привлекать рядовых верующих, то их должна была отпугивать сложная система богословия, непостижимые зоны, индивидуалистическая мистика, отрицание воскресения во плоти.

Гностицизм не стал и не мог стать мировой религией; он лишь отразил в крайне фантастической форме потребность в такой мировой религии. Его борьба с официальной церковью привела только к тому, что церковники в полемике с гностиками стали вырабатывать свое богословие, в свою очередь используя греческую философию, главным образом, платоновскую.

К концу II в. христианская церковь, создавшая строгую иерархию, укрепившая взаимные связи между общинами, установившая прочную организацию их внутренней жизни, окончательно ликвидировала связь с иудаизмом и иудео-христианством, одолела гностические «ереси», отбросила в сектанство те течения, которые продолжали традиции первоначального христианства. Церковь решительно пошла по пути, который должен был привести ее к превращению в официальную государственную религию гибнущей рабовладельческой империи.

Гораздо серьезнее была борьба, которую христианам пришлось вести с внешним миром. Тацит сообщает, что еще в 19 г. состоялось сенатское постановление против египетского и иудейского култов: «зараженных этим суеверием четыре тысячи вольноотпущенников решено было сослать на остров Сардиния для борьбы с тамошними разбойниками», «остальные же должны уйти из Италии, если до известного дня не оставят своих нечестивых обрядов» (Ann., II, 85). Причина тому была не религиозная нетерпимость, неизвестная римскому законодательству. Тот же Тиберий по процессу об оскорблении культа Августа высказался, что *deorum iniurias dis*

сиге (боги сами могут постоять за свои обиды) (Т а с.—Ann., 1, 73). Изгнания иудеев так же, как «математиков», философов, халдеев, в каждом отдельном случае были связаны с конкретной политической обстановкой, побуждавшей римские власти удалять из столицы подозрительных людей. Но если достаточно хорошо известные Риму иудеи казались из-за их религиозной обособленности подозрительными, то тем более это относилось к христианам, в которых римляне видели прежде всего тайную секту среди иудеев.

Для характеристики отношения римской власти к христианам исключительное значение имеет письмо Плиния Мл. к Траяну (Ер., X, 96). В качестве наместника Вифинии Плиний запрашивает императора, как поступать с христианами, так как он «никогда не участвовал в изысканиях о христианах: я поэтому не знаю, что и в какой мере подлежит наказанию или расследованию». Арестовав по доносу группу христиан, Плиний допрашивал их, причем упорствующим приказывал вести на казнь: «Ибо я не сомневался, что, каков бы ни был характер того, в чем они признавались, во всяком случае, упорство и непреклонное упрямство должно быть наказано». Допрос однако, ничего преступного, с точки зрения Плиния, не обнаружил, хотя две рабыни были допрошены под пыткой. «Я не обнаружил ничего, кроме низкого грубого суеверия». Плиний поэтому обращается за инструкциями к Траяну, который дает ему ответ уклончивый: «Ты действовал, мой Секунд, как должно, при разборе дел тех, о которых тебе донесли как о христианах. В самом деле, нельзя установить ничего обобщающего, что дало бы как бы определенную формулу. Разыскивать их не надо; если тебе донесут, и они будут уличены, их следует наказывать, с тем, однако, что, если кто станет отрицать, что он христианин, и докажет это делом; т. е. молитвой нашим богам, то какое бы ни тяготело над ним подозрение в прошлом, он в силу раскаяния получает прощение. Доносы, поданные без подписи, не должны иметь места ни в каком уголовном деле,—это очень дурной пример и не в духе нашего века».

Было бы странным, если бы римская власть не отнеслась враждебно к массовому движению угнетенных, проникнутому ненавистью к юдоли земной и жаждой мести угнетателям, отрицавшему старый мир, бросившему в фантастической форме религиозной экзальтации вызов этому миру.

Цель в последней четверти II в. увещевает христиан: «Надо защищать царя всей силой, делить с ним справедливо труд, сражаться за него, участвовать в его походах, когда это требуется; надо участвовать в управлении отечеством, если и это надо делать ради блага законов и благочестия». Цельс—не враг христиан; они вызывают у него не гнев, а жалость, и он пытается их «образумить». Но для официальных представителей римской власти отказ от участия в культе императора естественно воспринимался как враждебное отношение к государству. На этой почве конфликт был неизбежен, и уже Плиний испытывает благонадежность арестованных христиан, предлагая им принести жертву богам. И Цельс недоумевает, почему такая щепетильность у христиан, когда дело идет о выражении лояльности по отношению к официальному культу: «Может быть, у них имел бы оправдание их непримиримый спор против других, если бы они в самом деле не почитали никого другого, кроме одного бога; но ведь они сверх меры чтут этого недавно явившегося и однако не считают, что прегрешают против бога, поклоняясь также его служителю».

В первое время христиан могли привлекать к ответственности только за создание «недозволенного сообщества», и Плиний ссылается на общее распоряжение о запрещении гетерий. Позднее христианам стали приписывать, по словам апологета Афинагора (Leg., III), три преступления—безбожие, тиестовы пиршества (причащение плотью и кровью младенцев) и

эдиповы связи (кровосмесительные сношения между верующими во время ночных бдений). Особенно красочно эти мнимые преступления христиан изображены «Цецилием» в апологии Минуция Феликса «Октавий». Такие слухи распространяли о христианах либо умышленно, из злобы, либо по невежеству, на основании превратного толкования некоторых гностических мистических теорий.

Христианская церковь во второй половине II в. отвергла веру в близкое наступление тысячелетнего царства и в расправу с супостатами, стала проповедывать вместо ненависти к миру всепрощение и любовь к врагам, примирилась с богатством, отказалась от аскетизма как обязательного условия «спасения», отбросила демократическую организацию общины. Но она сохранила прочие идеи первоначального христианства, делавшие его, по выражению Энгельса, «одним из самых революционных элементов в истории человеческого духа». Это была основная причина не только преследований христиан органами государственной власти, но и презрения к ним со стороны представителей староримской и эллинской интеллигенции, ненависти со стороны городских деклассированных элементов.

Армия люмпен-пролетариев, питавшихся подачками со стола разбогатевших выскочек, щедротами магистратов и теми крохами, которые выпадали им от жертвенных пиров, готова была видеть врагов в христианах, отвергавших славу мира сего и агитировавших против вкушения «идоложественного» мяса. Служители официального римского культа, имевшие за собой поддержку государственной власти и силу старинной традиции, не могли, конечно, равнодушно смотреть, как христиане отбивают у них хлеб. Христианские проповедники и заклинатели (экзорцисты) наталкивались на ожесточенную конкуренцию со стороны жрецов, знахарей и шарлатанов других культов.

Формально христиане не имели юридического лица и всегда казались если не преступным, недозволенным, то подозрительным сообществом. Политически они были явно неблагонадежным элементом.

Вполне понятно поэтому, что иной раз по адресу христиан раздавались возгласы «christianos ad leones» («на растерзание христиан») и что временами то в одном, то в другом месте христиане подвергались открытым гонениям. В периоды бедствий охотно возлагали вину на христиан, направляя недовольство народа против этих «врагов рода человеческого».

В обстановке борьбы со всем миром христианская церковь усиливала свою организацию и влияние. Поскольку христианство соответствовало политическому, экономическому и духовному уровню империи, оно черпало силы в общем процессе разложения, неизбежным продуктом которого оно явилось. Несмотря на враждебное окружение и на возникавшие временами то тут, то там гонения, церковь к середине III в. стала мощной организацией, внушавшей серьезные опасения императорской власти. Киприан передает характерный анекдот, будто император Деций заявил, что предпочитает иметь конкурента на трон, чем епископа в Риме.

Церковь приобретает значительное имущество. Христиане усиленно развивают литературную деятельность и организуют постановку пропаганды на широкую ногу. В Александрии функционирует школа для катехетов («оглашенных»). После смерти основателя школы Пантена (около 200 г.) во главе школы стал Климент Александрийский, обладавший обширным образованием и литературными способностями. Климент пытался поднять христианское богословие до уровня эллинской философии. После Климента во главе школы стоял Ориген. О нем неоплатоник Порфирий писал: «Ориген, будучи эллином и получив эллинское образование, сбился на дерзостное учение варваров (т. е. христианство). Отдав ему всего себя и продав ему свои способности ученого, он в личной жизни жил, как

христианин, и в беззаконии, а в своих воззрениях на общественные дела и богословие оставался эллинствующим, приспосабливая к эллинским взглядам чуждые им мифы». В Антиохии во главе школы стоял в конце III в. Лукиан.

Несмотря на гонения, христианская церковь признавалась официально действующим институтом. Император Аврелиан, который, по сообщению Лактанция и Евсевия, готовился открыть гонения против христиан, вмешался в 272 г. в спор между смещенным антиохийским епископом Павлом Самосатским и его конкурентом Домном и заставил Павла очистить дворец и покинуть здание церкви.

Отдельные церкви вступают в оживленные связи между собой, и для решения общих вопросов созываются соборы епископов. С течением времени соборы начинают играть всё большую роль в консолидации церковной организации. В разгар периода гонений при Деции и Валериане происходит ряд местных соборов. Вместе с тем идет оживленная переписка между руководящими церквами—карфагенской, римской, антиохийской и др. Образцом такой переписки являются сохранившиеся письма карфагенского епископа Киприана; в них обсуждаются меньше всего вопросы догмы и культа, больше всего вопросы организации церковной власти.

Кризис империи в III в. принес христианской церкви ряд испытаний; но вместе с тем продемонстрировал мощь и силу церкви. В борьбе с кризисом императоры искали иной раз виновников его в лице христиан. Возрастающее могущество церкви казалось угрозой единству империи. Отказ солдат-христиан выполнять культовые церемонии вносил разложение в армию. «Когда их посылали присутствовать на торжествах языческой господствующей церкви для оказания там воинских почестей, солдаты, принадлежавшие к партии переворота, имели дерзость прикреплять в виде протеста к своим шлемам особые значки, кресты. Даже пытки, применяемые обычно в казармах, пытки, которым их за это подвергали начальники, оставались безрезультатными»¹

Императоры старались удержать катившуюся по наклонной плоскости империю не только путем административных, финансовых, экономических реформ, но и путем создания идеологической опоры империи. Императоры от Гелиогабала до Диоклетиана пытались ввести единый культ, на котором объединилось бы всё население империи. Но это были старые культы, связанные с исчезнувшими общественными отношениями, и они не могли пустить прочные корни в народе. Культ императоров, имевший в I в. ревностных поклонников, поддерживался неукоснительно и сохранился даже при христианских императорах. Но он, конечно, не мог увлечь массы, особенно при частой смене «солдатских» императоров в III в.

Идеологической опоры империя искала в прошлом. Восстановление, хотя бы и по видимости, значения сената при императоре Таците в 275—276 г. было выражением той же мечты о возврате былого величия Рима, которая спустя сто лет побудила сенат упорно добиваться сохранения алтаря победы в здании курии. Потомки древних римлян, уравненные в бесправии перед могущественной волей обожествленного императора, иной раз вспоминали о том, что некогда они были владыками мира, и даже центурион гвардейской когорты считал нужным в надписи подчеркнуть, что он не принадлежит к «варварскому легиону».

Одной из форм неприятия нового мира была приверженность к старине, к древней эллинско-римской религии, к литературе классического периода, к древнегреческой идеалистической философии. Здесь, в сфере идеологии, разбитые осколки древнеримского общества пытались получить реванш с империи. Из этих же кругов, надо полагать, выходили идеологи, вдохнов-

¹ К. Маркс — Классовая борьба во Франции. Введение Ф. Энгельса. 1938, стр. 22.

лявшие погромную травлю христиан, время от времени вспыхивавшую в разных местах, а иной раз принимавшую характер настоящего гонения.

После нескольких десятилетий сравнительно мирного существования разразилось в 250 г. гонение при Деции. Повидимому, указ Деция о проверке благонадежности населения путем изъявления почтения к государственным культам и, в частности, к культу императора, не был направлен прямо против христиан, но задел прежде всего именно христиан. До нас дошло несколько десятков написанных на папирусе *libelli*—удостоверений, выдаваемых специальной комиссией, об изъявлении лояльности. Так, в папирусе из Арсиной, 250 г., мы читаем: «Выборным по жертвоприношениям от Аврелии... жрицы Петесуха великого, великого, вечно живого, и богов, в квартале Моерис. Я всю свою жизнь приносила жертвы богам и теперь согласно распоряжению в вашем присутствии принесла жертву, совершила возлияние и вкусила от жертвенного мяса и прошу засвидетельствовать». Папирус помечен № 433 и, следовательно, составляет один документ из серии многих, подобных ему. В данном случае *libellus* получает не христиан, а жрица египетского бога.

Указ Деция застал христиан врасплох, и они массами стали отрекаться от своей веры. Другие уклонились от ответа, переехав в другой город или скрывшись в надежном убежище. Третьи покупали за взятку *libellus*. Но было немало и таких, которые оказались даже под угрозой пыток и казни непоколебимы в своей вере. Таких упорствующих арестовывали и держали под стражей, пока они не исправятся.

Гонение при Деции носило повсеместный характер, но в редких случаях приводило к казни христиан, особенно рядовых. К 251 г. гонение прекратилось и возобновилось лишь в 257 г. при Валериане. На этот раз жертвой гонений пал Киприан.

В промежуток между 251 и 257 г. церкви пришлось решать проблему, как быть с «падшими», т. е. теми христианами, которые во время гонения согласились принести жертву. Большинство таких «падших» после гонения захотели вернуться в церковь. По этому вопросу состоялся ряд совещаний и соборов, и, по настоянию Киприана, который и сам уклонился от ответа, бежав от ареста, решено было пойти на уступки и с известными оговорками принять обратно «падших».

На этой почве возник раскол между римской и карфагенской церквями, с одной стороны, и Новатианом—с другой. Новатиан, стоя на почве традиций раннехристианской церкви, проповедывал непреклонную строгость в исповедании веры. Но официальная церковь давно отставила хилиастические ожидания и стремилась к господству в этом мире. Христианам в III в. уже не предъявляется обвинения в политическом индифферентизме. Ригоризм Тертуллиана был отвергнут вместе с монтанистской ересью.

По сообщению Евсевия, перед самым Диоклетиановым гонением среди христиан были даже правители провинций. Эльвирский собор 305—306 гг. не возражает против занятия христианами должности дуумвира, связанной, между прочим, с наблюдением за «языческим» культом, и лишь требует, чтобы дуумвир воздерживался от посещения церкви (кан. 56). Тот же собор устанавливает лишь эпитимию для христиан, занимающих жреческие должности, если только они фактически «не приносят жертв и не подносят идолам чего-либо за свой счет» (кан. 55). С другой стороны, собор порицает разрушение языческих идолов (кан. 60). В одной надписи христианин титулуется себя *flamen perpetuus*. Гонение при Диоклетиане направлено было сначала против христиан-военных, разлагавших, по мнению властей, армию. Грозный эдикт Валериана (257 г.) также был направлен исключительно против клира и знатных христиан; указ требовал, чтобы «немедленно были подвергнуты наказанию епископы, пресвитеры и

дьяконы; чтобы сенаторы, мужи превосходительные и римские всадники были лишены звания, а также имущества, а если будут после этого упорствовать в христианстве,—также наказаны смертью; чтобы матроны были отправлены в ссылку с конфискацией имущества, а состоящие при дворе должны быть лишены имущества и отправлены в оковах в государевы имения».

К концу III в. христианство вполне созрело, чтобы стать государственной религией империи. Диоклетиан, с правления которого фактически начинается распад империи, хотел еще все-таки сохранить «отечественную» религию. В 297 г. он издал указ против манихеев, мотивируя его тем, что нельзя отдать на поругание религию предков. В 302 г. последовало распоряжение удалить из армии христиан. Этим было положено начало повсеместному гонению 303 г., которое вызвало отпор со стороны церкви. Пожар дворца в Никомидии, где тогда находились Диоклетиан и цезарь Галерий, приписали, не без основания, христианам, тем более, что через 2 недели пожар вспыхнул снова. После отречения Диоклетиана и Максимиана гонение продолжали Галерий и Максимин, возобновивший в 308 г. указ Деция, но бесцельность гонения уже была ясна. В 311 г. Галерий издал указ о веротерпимости от имени всех четырех правителей. Победы Константина над Максенцием в 312 г. и Лициния над Максимином в 313 г. навсегда покончили с гонениями на христиан. «Честолюбивый Константин увидел, что принять эту бессмысленную религию есть лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира» (Энгельс). Лициний на основе своих переговоров с Константином в Милане объявил свободу исповедания христианства и восстановил юридические и имущественные права церкви.

В 314 г. император Константин созывает собор в Арле для борьбы с ересью донатистов. Это было прелюдией к Никейскому собору 325 г., где окончательно оформился союз церкви с императорской властью. Но христианство Никейского собора уже как небо от земли далеко от христианства «Апокалипсиса». Революционно-демократический дух изгоняется из церкви, он остается только в некоторых ересьях и с особой силой возрождается последний раз лишь в плебейских ересьях средневековья.

Изучение раннего христианства ставит перед историками-марксистами вопросы конкретного исследования исторических условий Римской империи, в которых христианские чаяния являлись известного рода выходом для демократических настроений угнетенных масс рабовладельческой империи.

Вместе с тем, изучение раннего христианства, его эволюции должно показать и то, как оно постепенно превращалось из движения протеста против римского государства в оплот империи и в официальную идеологию, социальное назначение которой в том, чтобы отвлечь угнетенных от классовой борьбы, затушевать их классовое самосознание.

